
БАЙКАЛЬСКИЙ СИНДРОМ
бумажный кораблик
Олег Рычков
18+

Байкальский синдром

Олег Рычков

Байкальский синдром: Бумажный кораблик

«Автор»
2026

Рычков О.

Байкальский синдром: Бумажный кораблик / О. Рычков — «Автор», 2026 — (Байкальский синдром)

Вода Байкала никогда не отдает то, что забрала. Год назад озеро поглотило её дочь Викторию, оставив писательницу Ирину один на один с рукописью, которую она так и не успела дочитать своему ребенку.Когда полиция ставит точку в деле, Ирина отказывается верить в несчастный случай. Она знает: Виктория жива. Она чувствует это в скрипе половиц по ночам, в мокрых следах маленьких босых ног и в бумажных корабликах, которые появляются на приборной панели её машины из ниоткуда.Отчаяние приводит её в мертвый поселок на берегу проклятого озера — туда, где под руинами старого комбината спит древнее нечто, умеющее превращать чужую вину в плоть. Здесь бумага гниет как человеческая кожа, тени имеют вес, а детские рисунки становятся смертельными ловушками. Озеро не хочет убивать её. Оно предлагает сделку похуже: вернуть дочь в обмен на душу.Чтобы спасти своего ребенка, Ирине придется спуститься на дно. Не байкальское. Своё собственное.

© Рычков О., 2026
© Автор, 2026

Олег Рычков
Байкальский синдром: Бумажный кораблик

Байкальский синдром
Бумажный кораблик

Глава 1: Схема в комментариях для родителей

Дорога на Байкал в начале сентября — всегда лотерея. Ирина знала это и всё равно выбрала серпантин через Хамар-Дабан, а не гладкий федеральный тракт. Слишком любила повороты, где сосны смыкаются над крышей и свет ложится на асфальт золотыми монетами. Здесь время густело, тянулось, как мёд из банки, и мысли о сроках сдачи рукописи отставали от машины на пару километров.

Внедорожник мерно урчал, переваривая подъём. Руль мелко вибрировал в ладонях, подвеска выбирала выбоины, которых на обновлённой дороге почти не осталось. Из приоткрытой форточки тянуло нагретой хвоей и пылью — Ирина вдохнула глубже, и на самом дне вдоха почудилось что-то стоячее, водное. Она повела плечом, будто стряхивая, и закрыла форточку.

— Мам, а они правда существуют? — голос с заднего сиденья был спокоен, почти скучающий, словно дочь спрашивала, будет ли на ужин суп.

Ирина покосилась в зеркало заднего вида. Виктория сидела, подобрав ноги под себя, уткнувшись носом в раскрытую книгу в мягкой обложке. «Клыкастые тени» — последний роман, который Ирина сдала в печать четыре месяца назад. Пятая книга в серии о Подводных, бестелесных сущностях, обитающих на дне чёрных озёр и питающихся чужими снами. Тираж разошёлся за две недели — хорошая новость для издательства, спорная для психиатра, которого Ирина навещала раз в полгода из вежливости перед собой.

— Кто именно, Вик? — переспросила Ирина, не поворачивая головы. — Монстры из книжки?

— Ну да. — Девочка хрустнула страницей, закладывая угол. — Глубоководный угорь, который заманивает детей музыкой. Ты же писала это, как будто знаешь. Как будто видела его.

Ирина усмехнулась — и в зеркале поймала собственное лицо, слишком довольное собой. Вопрос она слышала на каждой творческой встрече, на каждом интервью. Журналисты обожали допытываться, не встречалась ли она вживую с теми ужасами, что выходят из-под её пера. Им хотелось верить, что автор бестселлеров тёмного фэнтези немного сумасшедший, немного одержимый, что она приоткрывает дверь в мир, куда простым смертным хода нет. Она всегда отвечала «нет». Отвечала легко, отрепетированно, как отпирают дверь, за которой давно всё убрано.

— Виктория, я придумала его, — терпеливо сказала Ирина, перестраиваясь в левый ряд перед крутым поворотом. — Я сидела за столом, пила кофе и выдумывала угря по кусочкам. Сначала хвост, потому что он самый интересный, потом глаза. У него должны быть глаза, которые светятся в темноте, потому что дети боятся темноты, а значит, им будет страшно. Это ремесло, милая. Технология.

— Но в книге сказано, что он появляется, когда у ребёнка есть тайна, — не сдавалась Виктория. — А у меня есть тайна.

Ирина на мгновение оторвала взгляд от дороги и снова глянула в зеркало. Дочь подняла голову. Чёрные, как у самой Ирины, глаза смотрели настороженно, почти испуганно. Но девочка улыбалась. Такая хитрая, взрослая улыбка, которая Ирине в ней всегда нравилась и всегда немного пугала. Восемь лет — а уже умеет выдерживать паузу ровно столько, чтобы мать начала нервничать.

— Какая тайна? — спросила Ирина, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она не любила эти игры. Слишком много лет она писала о монстрах, чтобы не знать: дети отлично чувствуют, когда взрослый делает вид, что ему интересно. Они считывают эту фальшь, как приборы считывают давление.

— Вот увидишь, — Виктория хитро прищурилась и снова уткнулась в книгу. — Когда мы приедем, может, я тебе расскажу. Или не расскажу. Это же тайна.

Ирина вздохнула, возвращая внимание к дороге. Серпантин стал круче, сосны расступились, открывая вид на синюю гладь вдалеке. Байкал появился неожиданно, как на картине, которую выдвинули из-за кулис: огромный, неподвижный, холодный. С такого расстояния он казался идеально ровным листом металла, отражающим облака. Ирина всегда чувствовала странную тяжесть в груди, когда видела озеро. Красивое, да. Величественное. Но в нём было что-то неестественное, слишком правильное. Слишком глубокое для того, чтобы простая мать с восьмилетней дочерью смотрела на него без дрожи.

— Ты вообще читаешь или просто картинки рассматриваешь? — спросила она, чтобы отвлечься от этого чувства. — Мы через полчаса будем на месте.

— Читаю, — буркнула Виктория. — Тут написано, что угорь умеет превращаться в воздух. Он становится невидимым, когда злится. А злится он, когда дети врут.

Ирина сжала руль чуть крепче. Хорошо, что дочь не видит её лица.

— Это метафора, — сказала она. — Все монстры — метафоры. Я писала про страх, про то, что мы прячем внутри. Угорь — это просто идея, понятие. Он не настоящий.

— А папа говорит, что настоящие, — спокойно ответила Виктория, переворачивая страницу. — Папа говорит, что ты просто не хочешь признавать. Это правда.

Сзади зашуршала бумага. Ирина краем глаза увидела, как Виктория отложила книгу на соседнее сиденье и вытащила из кармана куртки плотный лист белой бумаги. Формат А4, сложенный пополам. Откуда у неё бумага? Ирина не помнила, чтобы брала в дорогу альбом или блокнот.

— Не отвлекайся, — сказала она, замедляясь перед очередным поворотом. — Дорога сложная.

— Я не отвлекаюсь. Я делаю кораблик.

— Какой ещё кораблик?

— Помнишь, ты в прошлой книге написала про Бумажного Угря? — голос Виктории стал мечтательным, отстранённым. — Ну, когда он выплывает из сложенного листа, если его неправильно сложить. Я выучила эту схему.

Ирина помнила. Бумажный Угорь — персонаж из второй книги серии, антагонист, появлявшийся ровно на пяти страницах, чтобы умереть в конце. Его особенность была в том, что оригами оживало, если ребёнок ошибался в последней складке. Ирина придумала это за полчаса, чтобы добавить объёма главе. Теперь она почти жалела об этом.

— Вик, это просто сказка. Не пытайся сложить так, чтобы он ожил, хорошо? — Ирина хотела сказать это шутливо, но голос дрогнул. Она ненавидела этот тон — слишком властный, слишком тревожный.

— Не буду, — легко согласилась дочь.

Сзади послышался сосредоточенный шелест. Ирина следила за дорогой, но ухо невольно ловило звуки: складывание пополам, разглаживание, осторожное сгибание уголков. Дочь просто хотела её развлечь. Или проверить.

— Готово, — сказала Виктория через минуту. — Смотри.

Девочка потянулась вперёд и положила фигурку на консоль, между их сиденьями. Ирина бросила взгляд — и вернула его на дорогу слишком быстро, как возвращают взгляд от чужой аварии.

Кораблик. Обычный бумажный кораблик, какие складывают все дети: треугольная «крыша» над прямоугольным корпусом. Но концы корпуса были заострены и загнуты вверх, а на «носу» виднелись два надреза — глаза. Клыкастый угорь. То самое оригами, которое она придумала в прошлом году. Идеально. До последнего сгиба — идеально. Даже она сама не смогла бы повторить модель с такой точностью.

Салон был прогрет, печка гнала в лицо сухое тепло, но Ирина вдруг ощутила, как под блузкой взмокла спина — ровно между лопаток, там, где не достаёт ни один дефлектор.

— Ты где научилась такому?

— В книге была схема, — Виктория пожала плечами. — Помнишь, в конце. Я просто повторила.

— Я не давала издательству печатать схемы оригами.

— А они напечатали. Мелким шрифтом, в комментариях для родителей.

Ту, которую она никогда не читала.

Ирина открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Приборная панель коротко пискнула. На экране бортового компьютера загорелся оранжевый значок — датчик давления в шинах.

— Что-то не так, — сказала Ирина. Нажала кнопку. Значок не погас. Машина качнулась.

— Тихо, Вик, — сказала она, выравнивая руль. — Кажется, у нас проблема.

— Мам. — голос дочери вдруг стал тихим, почти шёпотом.

— Что?

— Посмотри на бумажный кораблик.

Ирина опустила глаза. Фигурка лежала как лежала — острая, бумажная, с загнутыми концами. Только надрезанные «глаза» потемнели, налились.

Она тронула бумагу подушечкой пальца, и та подалась, как размокшая кожа. Влага осталась на пальце холодная, прозрачная. Ирина поднесла руку к лицу — тина, озон — и вытерла ладонь о джинсы. Раз. Потом ещё раз, сильнее, до тепла в бедре.

Внедорожник снова качнулся, сильнее. Ирина вцепилась в руль, чтобы удержать машину на полосе. Сзади раздался слабый, почти беззвучный смех. Смех дочери, но не живой — какой-то чужой, будто записанный на дешёвый магнитофон и пущенный на замедленной скорости.

— Виктория, убери эту фигурку, — сказала Ирина, стараясь не повышать голос. — Просто убери, хорошо?

— Она мокрая? — спросила девочка, и в голосе её появилось любопытство, смешанное с чем-то, что Ирина не могла опознать. — А я думала, это только в книгах.

— Убери, — повторила Ирина сквозь зубы.

Смех повторился. Он шёл не с заднего сиденья. Он шёл из динамиков. Ирина выругалась про себя, нажала кнопку выключения аудиосистемы. Магнитола моргнула экраном «ECO» и погасла. Оранжевый значок на приборной панели пульсировал, словно пульс.

Золотые монеты солнечного света, ложившиеся на дорогу пять минут назад, исчезли. Небо затянула серая пелена — появилась откуда-то с востока, будто кто-то накрыл тайгу огромным колпаком. Туман. Ирина сбросила скорость до сорока километров в час, включила противотуманки. Поздно. Видимость упала до двадцати метров, через мгновение — до десяти. Сосны по обе стороны дороги растворились в белой дымке, оставив только серую ленту асфальта, уходящую в никуда.

— Пристегнись крепче, — сказала Ирина, глядя вперёд.

— Хорошо, — ответила Виктория. Голос был обычным. Как будто ничего не произошло.

Ирина моргнула — и сзади, за её спиной, что-то сказало воде: «Плюх».

Тихо. Отчётливо. Так падает в воду конфетти.

Она обернулась всем корпусом, до хруста в шее. Сиденье было пустым. Дверь со стороны Виктории — закрыта, ручка в исходном положении, замок не поднят. Книга лежала раскры-

той на середине, страницами вверх, и одна страница медленно, сама собой, набухала изгибом. Ремень лежал на обивке — аккуратно отстёгнутый, язычком ровно в шов.

Там, где сидела дочь, темнело влажное пятно. Ирина смотрела на него и не могла заставить себя вдохнуть: пятно ещё сохраняло тепло. Оно расширялось, повторяя контур детских лопаток, и по краям подсыхало — значит, растекалось прямо сейчас, у неё на глазах.

Бумажный кораблик исчез.

Ирина ударила по тормозам обеими ногами. Педаль провалилась — не в сопротивление, а в пустоту, будто под асфальтом кончилась земля. Её выбросило вперёд, ремень врезался в ключицу тупым, книжным ударом — как если бы её ударили корешком энциклопедии.

Запах палёной резины продержался долю секунды — и его съело что-то другое. Типографская краска. Старая бумага. Озон после грозы. Ирина вдохнула — и поперхнулась: воздух стал густым, как клейстер.

Машина не врезалась. Салон тихо стал страницей.

Кора сосны в десяти сантиметрах от решётки радиатора пошла рябью — не древесной, а типографской: буквы, строки, абзацы. Ирина не могла их прочитать, но кожей чувствовала запах свежей краски — тот самый, что бывает у только что вскрытой коробки с тиражом. Мир вокруг неё превращался в текст.

Тишина навалилась не сразу — она втекла в уши медленно, как вода в раковину, пока не заполнила голову до краёв. На экране бортового компьютера снизу вверх ползла строка загрузки. Символ напоминал клык. Когда строка заполнила дисплей, подсветка погасла.

Она сделала вдох. И не узнала этот вдох — он был чужим, как будто лёгкие принадлежали кому-то другому.

Глава 2: Жидкий картон

На три секунды мир выключили. Не стало ни звука, ни света, ни пульса — только мёртвая пустота.

А потом слух резанул металлический скрежет — не снаружи, а внутри черепа, словно кто-то провёл гвоздём по стеклу её собственных зубов. Носоглотку забил густой запах озона и стоячей воды. Ирина втянула воздух судорожным глотком — лёгкие обожгло холодом, как у проруби, и на языке остался привкус меди.

Лобовое стекло было покрыто изнутри зелёной ряской. Мутные разводы сползали медленно, вязко, оставляя за собой грязные следы на пластике торпедо. Ирина моргнула. Ряска осталась. Она протянула руку и провела пальцем по стеклу — холодное, влажное, склизкое. Настоящее. На подушечке пальца остался липкий изумрудный налёт. Она поднесла руку к лицу — и желудок совершил болезненный кульбит: так вонял пожарный пруд на бабушкиной даче в августе, когда они с братом доставали со дна дохлых лягушек.

Ирина вытерла палец о джинсы, но запах остался — въелся в кожу, как йод.

— Виктория, — позвала она, и голос сорвался на хрип. — Вик, ты слышишь меня?

Никто не ответил. Заднее сиденье было пустым, но теперь Ирина заметила детали, которые упустила в панике. Книга — та самая, которую дочь читала по дороге — лежала раскрытой лицом вниз, переплёт хрустел, будто страницы набухли от влаги. Ремень безопасности свисал с крепления, и кончик его был мокрым по всей длине, словно его окунули в ведро. На обивке сиденья, прямо в центре, темнело мокрое пятно, повторяющее контуры детского тела. Пятно не высыхало. Оно будто дышало — края его пульсировали, расширяясь и сужаясь в такт с её собственным дыханием.

— Тест на реальность, — прошептала она, пытаясь унять дрожь в челюсти. — Правило первое: найди боль. Боль всегда настоящая. Правило второе: назови пять вещей синего цвета.

Синего... Ничего. В салоне нет ничего синего. Только этот чёртов зелёный гной на стёклах.

Значит, это сон?

Нет. Психотерапевт говорил иначе. Если мир плывёт — нужно заземлиться физически. Она повторяла это как мантру, пока дрожащей рукой тянулась к рычагу коробки передач.

Внедорожник был заглушён. Ирина повернула ключ зажигания. Двигатель чихнул и заглох. Она повторила попытку — тот же сухой, беспомощный кашель стартера. На приборной панели загорелась красная иконка аккумулятора. Батарея новая.

Мозг отказывался принимать вводные данные. Ирина смотрела на красную иконку, и мир начал двоиться: левая часть лобового стекла всё ещё показывала сухую сосновую хвою, правая — зелёную гниль ряски.

— Это не происходит, — прошептала она, но пальцы сами собой впились в пластик торпеды с такой силой, что суставы побелели.

Ей нужен был физический якорь. Боль. Реальность. Она размахнулась и наотмашь залепила себе пощёчину. По салону разнёсся глухой, мокрый шлепок — звук ладони, разбившейся о собственную кость. Щека вспыхнула огнём, во рту появился медный привкус крови из прикушенной губы.

Вот оно. Реальность.

— Вот так, — сказала она вслух, тяжело дыша. — Я чувствую боль. Значит, я жива.

Только убедив себя в этом, она позволила руке дотянуться до ключа зажигания.

— Чёрт, — выдохнула она и ударила кулаком по рулю. Баранка отозвалась не привычным жёстким пластиком, а глухим, чавкающим звуком — словно была обёрнута в сырую ватную телогрейку. Металл замка зажигания больно впился в ладонь.

Не сработало.

Ирина открыла дверь и шагнула наружу. Нога провалилась по щиколотку в воду — не холодную, а тёплую, как кровь. Она отшатнулась, вцепившись в дверной проём, и посмотрела вниз. Под ногами — мокрый асфальт, но он был покрыт тонким слоем воды, словно только что прошёл ливень. Только дождя не было. И вода не плескалась.

Ирина подняла голову. Небо оставалось серым, плотным, без единой щели. Но дождя не было. Вода лежала на дороге ровной гладью, идеально зеркальной, отражая серое небо и белые силуэты машин — она видела в отражении свою собственную, но та казалась смазанной, искажённой, будто кто-то рисовал её акварелью на мокрой бумаге.

Она сделала шаг в сторону, чтобы обойти капот. Вода под ногами не плескалась. Она вообще не издавала звуков. Казалось, что поверхность дороги — просто декорация, нарисованная на стекле, а под ней — бездонная пустота. Ирина наклонилась и коснулась воды пальцами. Холодная. Слишком холодная для сентября. И прозрачная — она видела собственные пальцы на глубине, но там, где должно было быть дно, виднелась чернота. Бесконечная, как у Байкала.

— Виктория! — крикнула она в туман. — Где ты?

Голос не вернулся эхом. Он просто растворился, как будто его проглотила вата. Тишина стояла такая плотная, что Ирина слышала собственное сердцебиение — гулкий, давящий стук где-то в горле. Она закрыла глаза, прислушиваясь. Ни ветра, ни пения птиц, ни шума шин по асфальту. Только гул в ушах — тот самый, что бывает при сильном перепаде давления, когда закладывает уши в самолёте.

Она открыла глаза и повернулась к машине. Внедорожник стоял на месте, но теперь Ирина заметила, что он слегка накренился — переднее правое колесо ушло вниз, будто дорога под ним просела. Она подошла ближе и опустилась на корточки. Колесо было целым, но под ним не было асфальта. Там, где должна была быть твёрдая поверхность, зияла чёрная вода, и колесо погружалось в неё медленно и неумолимо, как будто его засасывало болото.

Ирина отскочила назад, больно ударившись спиной о бампер.

— Так, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Паника не вариант. Ты опытный водитель. Ты знаешь, что делать в тумане. Ты включила «аварийку»?

Она обошла машину и проверила габариты. Мигалки работали. Оранжевый свет пульсировал в молочной пелене, отбрасывая тени, которые шевелились, как живые. Ирина посмотрела на дорогу впереди — или в том направлении, где, по её представлениям, была дорога. Асфальт исчез. Теперь под ногами была лишь бесконечная гладкая поверхность, покрытая водой, и не было ни одного ориентира, чтобы определить, где начинается обочина.

Она вернулась в машину, закрыла дверь и взяла телефон. Экран горел ровно, уровень сигнала показывал полные четыре деления. Ирина выдохнула с облегчением и набрала номер экстренных служб. Трубку никто не взял. Она попробовала снова — тишина. Ирина проверила настройки. Звонок шёл, но вместо гудков из динамика доносился только шум, похожий на шипение радиопомех.

Она сбросила вызов и открыла навигатор. То, что она увидела, заставило её замереть. Приложение показывало её местоположение зелёной точкой, и точка эта находилась ровно посередине озера Байкал. Координаты указывали на глубину в тысячу шестьсот метров. Ирина обновила карту, но результат оставался тем же. Она выключила GPS и включила его снова — ноль изменений.

Согласно навигатору, она стояла на воде. Или под водой.

— Это технический сбой, — проговорила она, вглядываясь в экран. — База данных повреждена. Перегрузка спутников. Или помехи из-за тумана.

Она знала, что врёт себе. Но врать себе было единственной защитой, которая осталась.

Ирина завела двигатель со второй попытки — стартер натужно заскрежетал, но мотор ожил. Она включила печку, чтобы прогреть салон, но из дефлекторов вместо тёплого воздуха подул ледяной. Ирина поёжилась и перевела взгляд на пассажирское сиденье.

Там, поверх книги Виктории, лежал бумажный кораблик. Тот самый. Но теперь он выглядел иначе — бумага была полностью мокрой, края расползлись, и фигурка потеряла форму. Она превратилась в бесформенный комок, похожий на скомканный носовой платок. Ирина протянула руку, чтобы выбросить его, но комок вдруг дрогнул. Как будто внутри бился маленький пульс.

Она отдёрнула руку.

— Мне это кажется, — прошептала она. — Мне просто кажется. У тебя стресс. Ты уже давно не брала отпуск. Ты переработала.

Ирина выдохнула. Она была на правильной дороге. Просто туман сбил навигатор. Просто техника дала сбой. Ничего сверхъестественного. У неё есть пункт назначения, и она доедет до него, даже если придётся ползти со скоростью десять километров в час.

Она переключила передачу, медленно тронулась с места. Под колёсами был асфальт — она слышала знакомый шум, слышала, как шины цепляются за поверхность. Страх немного отпустил.

И тогда рация на центральной консоли ожила. Динамик зашипел коротко, резко... Из него донёсся звук. Пение. Детский голос, высокий и чистый, выводил мелодию на латыни.

Туман немного рассеялся — или ей показалось? — и теперь впереди угадывался тёмный силуэт. Дерево? Дом? Ирина прищурилась и включила дальний свет. Луч фар прорезал пелену, и она увидела дорожный указатель. Ржавый, покосившийся, но читаемый.

«БАЙКАЛЬСК — 15 км»

«Это ловушка», — мелькнула мысль, холодная и ясная, пробившаяся сквозь морок. Но тело уже само потянулось к коробке передач. Надежда оказалась сильнее страха. Она была на правильной дороге. Просто туман сбил навигатор.

— Виктория, это ты? — спросила Ирина, глядя на рацию.

Пение оборвалось. Наступила короткая пауза, а затем из динамика раздался тот самый смех. Знакомый, её дочери. Но одновременно — чужой, искажённый, словно его записали под водой.

— Мам, — прошептал голос. — Ты не туда едешь.

Ирина нажала на тормоз. Машина остановилась. Рация захрипела и замолкла. Тишина навалилась с новой силой, но теперь в ней появился новый звук — капли воды, падающие где-то снаружи. Кап. Кап. Кап. Как в пещере.

— Вик, — позвала Ирина, поворачиваясь назад. — Милая, ты здесь? Ты в машине?

Кресло было пустым. Но на сиденье, там, где лежала книга, теперь стояла лужица воды. И в ней, аккуратно сложенный, словно его только что опустили на поверхность, плавал новый бумажный кораблик. Сухой. Абсолютно сухой, без единого пятна влаги. Белый, чистый, с острыми, геометрически правильными складками.

Ирина моргнула. Секунду назад он был мокрым комком. Теперь — идеально сухим. Бумага не могла высохнуть за одно мгновение. Значит, это уже не тот кораблик.

Она протянула руку и взяла его. Бумага была тёплой. Не нагретой солнцем — тёплой, как будто её только что сжимали в чьих-то маленьких ладонях.

Ирина развернула кораблик, расправляя складки, и внутри, на белом поле, увидела надпись. Крупные детские буквы, выведенные синей ручкой:

«Не ищи меня в городе. Я там, где ты меня оставила».

Строчка была неровной, последние буквы смазаны — как будто тот, кто писал, торопился или плакал. Ирина перевернула лист. С другой стороны было пусто.

Она подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида. Туман сгустился настолько, что она не видела даже бампера своей машины. Только белая пелена, в которой угадывались движущиеся тени.

Ирина выключила двигатель, чтобы сэкономить топливо, и открыла дверь. Холодный влажный воздух ударил в лицо. Она сделала шаг наружу и снова оказалась по щиколотку в воде. Она опустила взгляд. Вода у щиколотки была не прозрачной, а бледно-серой, цвета дешёвой газетной бумаги. Нос уловил сладковатый, тошнотворный запах — так пахнут формалин и старые архивные папки. Это был жидкий картон. То, из чего делают страницы её собственных книг.

Но теперь вода была глубже. Ирина сделала ещё шаг — и провалилась по колено. Дна не было. Она отступила назад, вцепившись в дверь, и посмотрела вниз. Асфальт исчез. Вместо него — чёрная, бездонная гладь, в которой отражались серое небо и белые хлопья тумана.

Ирина повернулась к машине. Та стояла на той же поверхности, но колёса её уже наполовину ушли под воду, и машина медленно оседала, словно тонущий корабль.

— Боже, — прошептала она и обернулась.

Прямо перед ней, в трёх шагах, стояла Виктория. Девочка была босая, в том же платье, что и в машине, но платье было мокрым, прилипшим к телу. Волосы висели сосульками, с них капала вода. Виктория улыбалась — той самой хитрой, взрослой улыбкой, которую Ирина видела час назад. Но глаза её были чужими. Пустыми. В них не было света, только отражение серого неба, как в двух маленьких зеркалах.

— Привет, мама, — сказала девочка, и голос её звучал нормально. Обычно, как всегда. — Ты искала меня?

Ирина рванула вперёд, протягивая руки, чтобы схватить дочь. Но тело прошло сквозь фигуру, как сквозь влажный воздух. Ирина по инерции упала на колени, обжигая их ледяной водой, и обернулась. Виктория стояла на том же месте, улыбаясь.

— Ты оставила меня, — сказала девочка тихо. — Ты всегда меня оставляешь.

Ирина открыла рот, чтобы крикнуть «Нет!», но горло свело спазмом. Воздуха не было.

Виктория медленно подняла палец к губам. Кончик пальца коснулся кожи — холодный, склизкий, пахнущий озоном. Девочка начала таять снизу вверх. Сначала исчезли промокшие босые ступни, затем колени, скрытые под платьем. Туман сомкнулся на уровне её талии, погло-

тил плечи, оставив на мгновение висеть в воздухе только эту хитрую, взрослую улыбку. А затем растворилась и она.

Ирина осталась одна, стоя на коленях в ледяной воде, глядя на пустое место, где только что стояла её дочь. Машина позади неё издала глухой звук — предсмертный вздох уходящего под воду металла.

Она медленно поднялась, чувствуя, как дрожат ноги, как холод пробирается под кожу, впитываясь в кости. Туман вокруг неё начал редеть, и впереди, сквозь белую пелену, показалась дорога. Настоящая. Твёрдая. С асфальтом и разметкой. А в двадцати метрах впереди стоял её внедорожник. Целый, сухой, на колёсах. С закрытыми дверями.

Ирина сделала шаг вперёд, потом ещё один. Она шла медленно, оставляя мокрые следы на сухом асфальте. Когда она приблизилась к машине, передние фары мигнули, будто приветствуя её. Ирина открыла дверь и села за руль.

В салоне было тепло. Сухо. Ряска на лобовом стекле исчезла, будто её никогда не было. Книга лежала на заднем сиденье ровно, аккуратно, как будто Виктория просто отложила её, чтобы подремать. Ирина повернула голову и посмотрела в зеркало заднего вида. На заднем сиденье никого не было. Ремень безопасности был пристёгнут.

Ирина вздохнула, чувствуя, как дрожь отпускает, а вместе с ней уходит и паника.

И тогда она заметила.

На приборной панели, между спидометром и тахометром, лежал тот самый бумажный кораблик. Сухой, белый, идеально сложенный. Но бумага казалась странной — плотной, глянцевой, похожей на качественный картон, хотя секунду назад была обычным листом А4. Рядом с ним — детская резинка для волос. Мокрая.

Ирина протянула руку, чтобы коснуться фигурки, и замерла. На белом борту кораблика проступала надпись. Чернила были свежими, они буквально сочились из волокон бумаги, складываясь в синие буквы прямо под её взглядом:

«Ты уже в городе, мама. Ты просто ещё не поняла».

Резинка соскользнула с приборной панели и упала на коврик. Звук удара прозвучал оглушительно громко в мёртвой тишине салона.

Двигатель завёлся сам.

Глава 3: 14:32

Она не помнила, как завёлся двигатель. Просто в какой-то момент поняла, что сидит за рулём, руки лежат на баранке, а стрелка тахометра дрожит на полутора тысячах. Внедорожник урчал ровно, тепло из дефлекторов грело лицо — настолько по-человечески уютно, что Ирина почти поверила: всё, что случилось, было сном. Кошмаром, вырванным из недр переутомлённого мозга.

Она перевела взгляд на приборную панель. Бумажный кораблик лежал на том же месте — сухой, белый, идеально сложенный. Рядом — детская резинка для волос, мокрая. Надпись на борту кораблика исчезла. Бумага была чистой, будто её только что сложили.

Ирина сглотнула. Она посмотрела на пассажирское сиденье. Книга Виктории лежала на том же месте, закрытая, без единого пятна. Ирина протянула руку и коснулась обложки — сухая, тёплая, пахнет типографской краской и немного ванилью. Как всегда.

— Всё в порядке, — сказала она вслух, и голос прозвучал ровно, почти спокойно. — Посттравматический синдром. Переутомление. Сенсорная депривация.

Она проговаривала диагнозы механически, как мантру психотерапевта. Организм просто дал сбой. Мозг защищается галлюцинациями.

Она перевела взгляд на дорогу. Туман рассеялся, оставив лишь тонкую дымку над асфальтом, которая таяла на глазах, съедаемая слабым сентябрьским солнцем. Сосны стояли по обеим сторонам ровными рядами, как солдаты, и в их хвое переливался свет. Дорога тяну-

лась вперёд ровной серой лентой, и навигатор на приборной панели показывал, что она движется по трассе Р-258, в двадцати километрах от Байкальска.

Ирина выдохнула и перевела дух. Она проверила зеркала — пусто. Ни машин, ни пешеходов. Только лес и бесконечная дорога. И тишина. Та самая тишина, которую она так любила в начале путешествий, когда кажется, что мир остановился и можно побыть наедине с собой.

Она улыбнулась собственному отражению в зеркале и нажала на газ.

Но что-то было не так. Ирина не сразу поняла, что именно. Сначала она ощутила странную лёгкость: машина скользила, как по маслу. Шины не шуршали по асфальту. Двигатель работал, но звук его будто доносился из другой комнаты — приглушённый, неестественный.

Ирина опустила стекло, чтобы впустить ветер. В салон хлынула… абсолютная тишина. Ни ветра, ни шума шин, ни пения птиц за окном. Только вакуум, в котором её собственное дыхание казалось оглушительным.

— Что за… — начала она, но не закончила.

Туман вернулся. Он возник не сбоку и не спереди — он просто появился вокруг машины, как будто её накрыли стеклянным колпаком и залили белой краской. Видимость упала до нуля за одну секунду.

Ирина ударила по тормозам, но педаль провалилась в пол, как в масло. Никакого сопротивления. Она нажала сильнее — и поняла, что не чувствует ног. Не чувствует рук. Не чувствует собственного тела. Только свет.

Фары выхватили из тьмы ствол старой сосны. Огромной, с корой, изрезанной глубокими морщинами, с ветвями, тянущимися к небу, как руки утопающего. Дерево стояло прямо перед машиной, в метре от капота, и Ирина успела увидеть каждую трещину на коре, каждую каплю смолы, застывшую на свету.

Она закричала. Слышала свой крик — он разрывал горло, был громким, отчаянным, полным животного ужаса. Но наружу, в пространство, он не выходил. Он оставался внутри неё, запертый в черепной коробке, как звук в закупоренной банке.

Ирина сжала руль так, что побелели костяшки, и зажмурилась, ожидая удара. Открыла глаза лишь на долю секунды. Капля смолы на коре сосны падала вниз невыносимо медленно, растягиваясь в янтарную нить. Время загустело, превращаясь в ту самую тягучую субстанцию, которую она описывала в «Теории отражений».

Но удара не последовало.

Она открыла глаза. Сосна стояла перед капотом, и между корой и бампером было не больше пяти сантиметров. Машина замерла. Двигатель заглох.

Салон залил холодный, зеленоватый свет, который лился отовсюду и ниоткуда одновременно. Ирина сидела неподвижно, пытаясь восстановить дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках.

Она перевела взгляд на лобовое стекло. Оно было целым — ни одной трещины, ни скола. Но изнутри, со стороны салона, оно было покрыто толстым слоем зелёной ряски. Такой густой, что сквозь неё не было видно ни сосны, ни дороги, ни вообще ничего. Только зеленоватая муть, которая медленно пульсировала, как живая ткань.

Она двигалась. Ирина видела, как тонкие водоросли шевелятся на стекле, словно щупальца, ищущие путь внутрь. Как пузырьки воздуха поднимаются сквозь эту зелень, лопаются на поверхности и исчезают.

Ирина медленно, очень медленно, подняла руку и коснулась стекла. Ряска была холодной и влажной. Она провела пальцем по поверхности — и зелёный слой остался на коже, липкий, пахнущий стоячей водой и прелыми листьями. Она посмотрела на свой палец, и на мгновение ей показалось, что водоросли шевелятся, пытаясь впитаться в поры. Она отдёрнула руку и вытерла палец о джинсы — но липкость осталась, въевшаяся в кожу, как йод.

Она вытерла руку о джинсы, оставляя на ткани мокрый след, и снова посмотрела вперёд. Стекло было покрыто ряской полностью — даже края, даже уголки, даже зеркало заднего вида. Ирина повернула голову — боковые окна тоже были закрыты зелёной пеленой. Мир снаружи исчез. Остались только она, сиденье, руль и тишина.

Абсолютная акустическая тишина. Ирина слышала, как кровь стучит в ушах. Она слышала, как бьётся сердце. Она слышала, как воздух входит и выходит из лёгких. Но больше — ничего. Ни шума мотора, ни скрипа пластика, ни тиканья часов на приборной панели. Даже время, казалось, остановилось. Она посмотрела на часы — стрелки замерли на 14:32.

Ирина нажала кнопку открывания двери. Механизм щёлкнул, дверь приоткрылась, и в салон ворвался запах сырой земли и гниющих водорослей, и она шагнула наружу.

Нога коснулась воды — холодной, до онемения, мгновенно проникающей сквозь ткань кроссовка. Ирина опустила взгляд — и поняла, что машина стоит по колено в воде. Не на дороге. Не на асфальте. Вода была чёрной, непрозрачной, без единого просвета, и в ней отражалось небо — такое же чёрное, словно наступила ночь. Только сейчас она заметила: вода не плескалась. Она лежала неподвижно, как стекло, и даже когда Ирина шевелила ногой, поверхность не расходилась кругами.

Но Ирина знала, что сейчас день. Она знала, что солнце было высоко, когда она затормозила. Она знала, что не могло быть темно.

Она подняла голову. Над ней не было неба. Был потолок — серый, бетонный, с ржавыми трубами и свисающими проводами. Она стояла в каком-то помещении — цехе? подвале?

Ирина обернулась. Машина стояла в центре огромного зала, залитого водой. Пол был бетонным, но сквозь чёрную воду проступали очертания чего-то огромного, прямоугольного. Она протянула руку — пальцы коснулись чего-то ребристого. Дерево. Холодное, разбухшее от влаги. Она провела рукой выше — металлические уголки полки. Корешок книги. Буквы стёрлись, оставив только шершавый след клея.

Воздух пах мокрой бумагой и формалином. Это был не Байкальский тракт. Это было что-то другое. Город? Завод? Она не знала. Она не помнила, как здесь оказалась. Последнее, что она запомнила, — сосна перед капотом. А теперь — этот зал. Эта вода. Эта тишина. Только сейчас она поняла: тишина была не пустой. Она была заполненной — как комната, где только что замолчали.

Ирина сделала шаг вперёд, и вода вокруг её ног пошла рябью. В этой ряби она увидела отражение — не своё. Чужое. Маленькую фигуру, стоящую за её спиной.

Ирина резко обернулась. Никого. Но вода продолжала волноваться, и в её чёрной глади она видела, как кто-то идёт к ней. Маленький, босой, с мокрыми волосами.

Ирина развернулась на сто восемьдесят градусов, готовая встретить дочь лицом к лицу. Там никого не было. Только чёрная вода, бетонные стены и тишина — такая плотная, что она давила на уши, как вакуум.

Ирина снова посмотрела вниз, в отражение на поверхности воды. Фигура была там. Девочка стояла прямо за её спиной, но когда Ирина поворачивалась — исчезала. Она играла с ней. Как в детстве, в прятки, когда Виктория пряталась за шторой и хихикала, а Ирина делала вид, что не может её найти. Только теперь Ирина была не ищущей. Она была той, кого нашли.

— Вика, — позвала она, и голос её разнёсся по залу глухим эхом. — Выходи. Пожалуйста.

Фигура в воде подняла руку и помахала ей. Медленно, как будто сквозь патоку. А затем отражение начало меняться. Черты лица девочки расплылись, вода всколыхнулась, и вместо дочери Ирина увидела себя. Собственное лицо, искажённое рябью, с глазами, полными ужаса.

Отражение открыло рот, и оттуда хлынула вода Байкала — густая, чёрная, вперемешку с песком и гниющими листьями. Поток ударил Ирину прямо в лицо, заполняя нос и лёгкие невозможной тяжестью. Звук падающей массы поглотил остатки воздуха.

Ирина захлебнулась собственным криком, закашлялась, забилась в панике, пытаясь встать на ноги. Вода была везде. Она заливалась в уши, в нос, в рот, она была чёрной и бесконечной. Ирина чувствовала, как тонет, как тело становится ватным, как сознание меркнет.

И в тот самый миг, когда темнота почти поглотила её, кто-то схватил её за руку.

Ирина почувствовала прикосновение — холодное, цепкое, но не враждебное. Оно тянуло её вверх, к поверхности, и она вынырнула с оглушительным кашлем, хватая ртом воздух.

Она стояла на коленях в воде, дрожа, пытаясь отдышаться. Рядом никого не было. Только чёрная гладь и пустота. Ирина медленно поднялась, чувствуя, как вода стекает с волос по лицу, как одежда тяжелеет и тянет вниз. Она посмотрела на свои руки — они были грязными, в какой-то зелёной слизи, которая пахла тиной.

Она посмотрела на машину. Внедорожник стоял на том же месте, но теперь его двери были открыты настежь. Салон был пуст.

Ирина сделала шаг к машине — и в этот момент зал вокруг неё начал меняться. Стены пошли трещинами, но они не осыпались крошкой. Они расходились по швам, словно линии сгиба на плотной чертёжной бумаге. Ржавые трубы вытянулись в тонкие нити клея. Потолок рухнул вниз тяжёлыми листами картона, которые тут же размокли, превращаясь в серую пульпу.

Весь бетонный зал оказался гигантским макетом, который теперь стремительно терял форму. Ирина зажмурилась, сжавшись в комок, ожидая удара массивной балкой, но услышала только тихий звук рвущегося папье-маше.

И открыла глаза.

Она сидела за рулём. Внедорожник стоял на обочине Байкальского тракта. За окном светило солнце, и сосны стояли на своих местах. Лобовое стекло было чистым. Навигатор показывал дорогу. В зеркале заднего вида она видела пустое детское кресло с пристёгнутым ремнём. На сиденье лежала книга. И бумажный кораблик на приборной панели — тот самый, с исчезнувшей надписью.

Ирина повернула ключ зажигания. Двигатель завёлся с полуоборота. Она посмотрела вперёд, на дорогу. Впереди, в сотне метров, стояла та самая сосна, которую она видела перед «ударом». Целая, живая, с корой, покрытой лишайником. И рядом с ней, на обочине, стоял дорожный указатель: «БАЙКАЛЬСК — 10 км».

Ирина выдохнула, переключила передачу и медленно тронулась вперёд. Навигатор показывал правильный маршрут. Небо было ясным. Всё было нормально.

Кроме одного.

Она опустила взгляд на приборную панель. Датчик давления в шинах горел ровным оранжевым светом. Ирина сбросила ошибку — индикатор погас на секунду, а затем загорелся снова. Ирина нажала кнопку ещё раз — безрезультатно.

Она подняла голову и посмотрела в зеркало заднего вида. В отражении она увидела, что заднее сиденье было мокрым. И на нём — два маленьких следа босых ног, ведущих от детского кресла к двери. Задняя левая дверь была распахнута настежь. На резиновом уплотнителе темнели капли озёрной воды.

Ирина посмотрела вниз, на коврик. Там, среди спутанных проводов зарядного устройства, лежала детская резинка для волос. Сухая. Хотя вся машина пропитана озерной сыростью. Рядом с ней на пыльном коврике темнело влажное пятно размером с ладонь. Будто кто-то долго сидел здесь, прижавшись мокрой щекой к обивке.

Ирина посмотрела на порог. На серой краске виднелись два крошечных отпечатка босых ног. Они начинались у щели задней левой двери и вели вглубь салона, прямо к детскому креслу. Кто-то маленький только что забрался внутрь.

Ирина нажала на тормоз. Машина не остановилась. Педаль провалилась в пустоту — не в сопротивление, а в ничто, будто под асфальтом кончилась земля. Спидометр показывал

сорок километров в час, но Ирина не чувствовала движения. Только вибрацию руля в ладонях и запах озона, который теперь шёл из вентиляции — густой, сладковатый, как от работающего ксерокса.

Она посмотрела на навигатор. Зелёная точка мигала. Маршрут перестроился. Вместо «Байкальск — 10 км» на экране появилось одно слово:

«НАЗАД».

Ирина нажала на газ. Машина не ускорялась. Она катилась по инерции медленно, как по дну бассейна.

Она посмотрела в зеркало заднего вида. Следы босых ног на мокром сиденье начали двигаться. Медленно, как будто их рисовала невидимая рука. Они вели от двери к детскому креслу — и обратно. Снова и снова. По кругу.

Ирина поняла. Она не может развернуться. Она не может вернуться. Город уже забрал дорогу назад.

Она посмотрела на указатель впереди. «БАЙКАЛЬСК — 10 км» медленно менялось. Буквы переставлялись, как на табло аэропорта.

«БАЙКАЛЬСК — 9 км».

«БАЙКАЛЬСК — 8 км».

Машина ехала сама.

Глава 4: Один след

Ирина не знала, сколько она просидела в машине, глядя на приоткрытую заднюю дверь. Счёт времени потерялся. Может, минуту. Может, час.

Мир за лобовым стеклом был неподвижен — сосны не шевелились, облака висели на месте, и даже солнечный свет казался застывшим, как на старой фотографии. Вода сочилась из-под приборной панели, собираясь в лужицу у коврика. Но падала она беззвучно. Ирина опустила палец — жидкость была густой, маслянистой, пахла озоном. Капля сорвалась вниз и упала на резиновый коврик, оставив идеально круглое отверстие, прожжённое до самого металла пола.

Точно такие же отверстия, только размером с детскую ступню, покрывали асфальт прямо перед открытой задней дверью.

Она сделала глубокий вдох. Собрала волю в кулак. И вышла.

Дверь водителя открылась с привычным щелчком, и нога ступила на асфальт. Сухой. Тёплый. Обычный асфальт, без воды, без ряски, без намёка на то, что несколько минут назад он был дном озера. Ирина оперлась на крышу машины, чтобы устоять. Ноги дрожали.

Она стояла на обочине Байкальского тракта, и вокруг неё был самый обычный сентябрьский день. Солнце светило сквозь иголки сосен, птицы перекликались в кронах. Всё было как всегда. Как будто ничего не случилось.

Кроме одного.

Задняя дверь со стороны Виктории была распахнута настежь. Широко, до упора, так, что она почти касалась переднего крыла. Ирина обошла машину и замерла.

На асфальте — идеально сухом, раскалённом от солнца — лежал один след. Маленький, босой, оставленный в тонком слое влаги, которая покрывала дорогу точно там, где стояла машина. След вёл от задней двери, через обочину, прямо в лес.

Ирина опустилась на корточки — колено хрустнуло, и она почувствовала, как асфальт обжигает кожу сквозь джинсы. Отпечаток был чётким. Она видела все пять пальчиков, видела подушечки, видела изгиб свода. След был маленьким — детским. И он был один. Как будто Виктория стояла на одной ноге, а затем исчезла.

Ирина поднялась и перевела взгляд на асфальт вокруг. Никаких других следов. Ни её собственных, ни чьих-то ещё. Она посмотрела на свои кроссовки — подошвы были сухими и чистыми, будто она не касалась земли.

Ирина посмотрела под ноги. Солнце било сквозь кроны, расчерчивая дорогу светлыми полосами, но эти полосы проходили сквозь неё. Там, где должны были лежать её кроссовки, асфальт раскалился добела от прямого света. Она стояла на самом солнцепёке, но ей было холодно. Солнечные лучи не грели кожу, они просто проходили навылет, словно она была сделана из грязного стекла. Галлюцинацией самой себя.

Она провела пальцем по асфальту — палец остался чистым. Мир не фиксировал её присутствие. Как будто её нарисовали поверх реальности, и краска ещё не высохла.

Ирина заставила себя отвести взгляд от собственных ног. След вёл в лес. Один след, маленький, тонкий, углубляющийся в густую тень под соснами.

Ирина подошла к кромке леса и остановилась. Там, между стволами, клубилась дымка — не туман, а тень, которая сгущалась по мере того, как уходила вглубь. Оттуда пахло сырой землёй и чем-то сладковатым, как гниющие цветы.

— Это ловушка, — сказала она вслух, и голос её прозвучал тонко, почти по-детски. — Ты не пойдёшь в лес. Ты вызовешь помощь.

Она достала телефон — сигнала не было. Ни одной палочки. Ирина убрала телефон в карман и снова посмотрела на след. Он был здесь. Реальный, чёткий, ведущий в чащу. И она знала, что если не пойдёт сейчас, то след исчезнет. Как исчезла дочь. Как исчезла её собственная реальность.

— Это неправильно, — прошептала она. — Это не может быть правильно.

Но её ноги уже сделали шаг. Потом другой. Она перешагнула через корень старой сосны и оказалась в лесу.

Трава хрустнула под ногами, и этот звук был настолько настоящим, что у неё перехватило дыхание. Она снова существовала. Лес принял её.

След петлял между деревьями, обходил валуны, нырял под упавшие ветки. Ирина шла за ним, не оглядываясь. Она знала, что машина осталась позади, что дорога осталась позади, что она уходит всё глубже и глубже в этот лес, который не был похож на обычный лес.

Здесь не было птиц. Здесь не было ветра. Только тишина, которая давила на уши, и запах воды, которая была где-то рядом, хотя поблизости не было ни озера, ни реки.

Через сто метров след оборвался. Ирина остановилась. След исчез. Просто закончился, как будто Виктория ступила на невидимую границу и растворилась.

Ирина повернулась, чтобы вернуться, но поняла, что не помнит дороги назад. Все деревья были одинаковыми. Все тропинки вели в никуда.

Лес изменился — он стал гуще, темнее. Сосны начали смыкаться кронами над головой так плотно, что солнце исчезло полностью. Воздух похолодел.

Корни деревьев, торчавшие из-под мха, шевелились. Они медленно вытягивались из сухой земли, превращаясь в бледные, скользкие отростки, похожие на гигантские водоросли. Один корень скользнул по голени вверх — холодный, гладкий, с запахом тины, и Ирина почувствовала, как он обвивает лодыжку, словно щупальце.

Она вскрикнула, дёрнула ногой — и корень отпустил её, втягиваясь обратно в землю, словно ничего не произошло. Но другие корни уже тянулись к ней. Они не пытались удержать — они направляли. Толкали вперёд, вглубь чащи, точно по тому маршруту, которым прошёл ребёнок.

— Нет, — сказала она, и голос её дрогнул. — Нет, я не хочу…

Давление. Сначала тихое, похожее на бульканье пузырьков воздуха в воде, оно нарастало изнутри черепа. Звук шёл не извне — он вибрировал прямо в костях, отдаваясь болью в зубах. Ирина зажала уши ладонями — и почувствовала, как ногти впиваются в кожу, но давление внутри головы продолжало расти. Каждое нажатие заканчивалось влажным щелчком, как будто что-то ломалось внутри её собственного черепа.

Запах озона ударил в нос — резкий, химический. Пахло не озером, а старым холодильником в морге. Ирина сглотнула — на языке остался привкус меди, как после удара молнии.

— Мам, — раздался шёпот. Не у уха — внутри головы. — Ты никогда не найдёшь меня. Потому что ты не ищешь.

Ирина обернулась. Никого. Только лес, который смыкался вокруг неё, как стены.

Она хотела закричать, но голос застрял в горле. Она хотела бежать, но ноги не слушались. Она стояла, и тишина вокруг неё стала плотной, как вода.

А потом она увидела его.

На земле, прямо перед ней, лежал бумажный кораблик. Белый, сухой, идеально сложенный.

Ирина опустилась на колени, взяла его. Бумага была тёплой. Не нагретой солнцем — тёплой, как будто её только что сжимали в чьих-то маленьких ладонях.

Она перевернула кораблик. Внутри, на белом поле, не было надписи. Только пульсация — слабая, едва уловимая, как сердцебиение.

Ирина сжала кораблик в руке и подняла голову. Лес расступился.

Между двумя соснами, в пяти шагах от неё, стояла фигура. Маленькая, босая, в том самом синем платье с белыми цветами, которое Ирина купила ей прошлым летом. Платье было мокрым, ткань прилипла к ключицам, но кожа девочки оставалась абсолютно сухой.

Более того — дыхание Виктории не вырывалось изо рта облачком пара в стылом лесном воздухе.

Девочка подняла руку и поманила её пальцем.

Ирина моргнула и почувствовала, как ресницы слиплись от слёз — она и не замечала, что плачет. На запястье дочери не было ничего. Ни синяка, ни следа. Только бледная, чистая кожа.

Виктория шагнула вперёд — и прошла сквозь древесину. Берёза даже не шелохнулась, поглотив ткань платья без звука.

Ирина осталась одна. Лес давил тишиной. Она знала, что если обернётся сейчас, то увидит лишь глухую стену деревьев. Дочь вела её в ловушку.

Ирина сделала шаг вперёд, наступив на ту точку пространства, где дерево только что поглотило ребёнка. Кора царапнула рукав.

Лучше идти за ложью, чем стоять здесь, где истина давит на плечи. Она не знала, куда ведёт её дочь. Она не знала, что ждёт её в конце. Она просто шла, потому что другого выбора не было.

Лес смыкался за её спиной, и она знала, что пути назад нет.

Глава 5: Смотритель

Она шла за белой фигурой, маячившей между стволов, и лес становился всё более чужим. Сосны редели, уступая место низкорослым кустарникам и серым зданиям. Город открывался перед ней не как место, а как ошибка, застывшая во времени.

Пятиэтажные панельные дома стояли с пустыми глазницами окон, фасады покрывала плесень, на первых этажах зияли чёрные провалы бывших магазинов. Дворы заросли полынью и крапивой, детские площадки ржавели молча. Ни души. Ни машин. Только ветер, гонящий перед собой сухие листья — но листья не шуршали под ногами, они ложились мягко, как вата.

Ирина остановилась и провела ладонью по стене ближайшего дома. Бетон был тёплым. Не нагретым солнцем — тёплым, как человеческое тело. Она отдёрнула руку, и на ладони остался липкий след, пахнущий озоном и типографской краской.

Ирина шла по главной улице, и каждый шаг отдавался эхом между бетонных коробок — но эхо возвращалось с задержкой, как будто город повторял её движения с опозданием. Город был мёртв. Не просто заброшен — мёртв, как будто из него выкачали всё живое вместе с воздухом.

Она прошла мимо школы с выбитыми окнами, мимо почтамта с облупившейся вывеской, мимо остановки, где висело расписание, стёртое до белизны. Ни одного человека. Ирина замерла на полушаге, прислушиваясь. Она только сейчас поняла, чего здесь нет. Тишина была не пустой — она была заполненной, как комната, где только что замолчали. Ни хлопка крыльев над проводами, ни шороха лап по гравию в подворотне. Только гул в ушах — тот самый, что бывает при сильном перепаде давления.

Город был лишён жизни. Только тишина и запах. Тот самый запах, который она уже знала — влажный, сладковатый, с примесью прелых водорослей и сырой земли. Он шёл отовсюду, как будто город стоял не на суше, а на дне, которое только что обнажилось.

Ирина остановилась на перекрёстке. Белая фигура Виктории исчезла за углом одного из домов, и когда Ирина подошла, там никого не было. Только ржавая труба, торчащая из земли, и старый, покосившийся забор.

Она огляделась. Впереди, в конце улицы, виднелось здание с провалившейся крышей — котельная. Рядом с ней, на площади, стояла перевёрнутая деревянная лодка. Ирина пошла туда, не зная зачем.

Лодка была старой, с облупившейся краской, и на ней сидел человек.

Он сидел, поджав ноги, и смотрел на неё. Не удивлённо, не испуганно — просто смотрел, как будто ждал её появления всё утро. Он был одет в старую выцветшую куртку-аляску, застёгнутую на все пуговицы, хотя день был тёплым. На голове — вязаная шапка, надвинутая на самые брови. Его возраст трудно было определить. Может, пятьдесят, может, шестьдесят. Лицо обветренное, глубокие морщины прорезали его, как карту, а глаза были светлыми, почти бесцветными, и смотрели они сквозь Ирину, куда-то в глубь неё.

Ирина остановилась в десяти шагах от него, тяжело дыша. Она хотела закричать, броситься к нему, умолять о помощи. Но слова застряли где-то в груди — их заперли страх и недоверие. Первый живой человек за всё это время. Но он не выглядел как спасение. Он выглядел как часть этого мира — как коряга, которую прибило к берегу и забыли убрать.

— Здравствуй, — сказал он, и голос его был низким, спокойным, без эмоций. — Я ждал тебя.

Ирина сглотнула. Она открыла рот, но издала только сухой хрип. Она кашлянула и попыталась снова.

— Я... я ищу свою дочь. Ей восемь лет. Она пропала. На трассе. Моя машина...

— Я знаю, — перебил он. — Она пришла домой.

Ирина замерла. Слова повисли в воздухе, как туман, медленно оседая на бетон. Она смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или бредит. Но его лицо оставалось непроницаемым.

— Что значит «пришла домой»? — спросила она, и голос её дрогнул. — Она пропала. Она была в машине, я отвлеклась на секунду, и она исчезла. Я не знаю, где она. Я не знаю...

— Ты знаешь, — сказал он, и в его голосе не было жестокости. Только факт, констатация. — Ты всегда знала, где она. Ты просто не хочешь в это верить.

Ирина шагнула к нему, сжимая кулаки. Гнев нахлынул внезапно, горячей волной, смывая страх. Но под гневом было что-то другое — холодное, липкое, как вода из-под крана в столовой. Она знала, что он прав. И именно поэтому хотела ударить его.

— Ты издеваешься надо мной? Моя дочь пропала! Она могла заблудиться в лесу, упасть, замёрзнуть! А ты сидишь здесь на своей лодке и говоришь загадками! Ты поможешь мне или нет?

Мужчина медленно поднялся с лодки. Он был выше, чем казался, и шире в плечах, но двигался он плавно, почти бесшумно, как человек, привыкший не привлекать к себе внимания. Он сделал шаг к Ирине, и она инстинктивно отступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.